

(д. 2, явл. 15). Н. А. Львов не следует рабски сюжету французской повести — он изменяет эпизод с вензелями и арфой, создает оригинальные диалоги, арии, дуэты, творчески преобразует источник. Наконец он вводит новое действующее лицо (крепостной) и эпизод с эхом, украсивший пьесу. Мира разговаривает с собой — окончание ее реплик подхвачено эхом, так возникает беседа с ним:

«Мира

...Сколько дух во мне страдает,
то едина только знает
страждущая грудь сия.

Эхо

...и я.

Мира (с удивлением)

Я слышу, в воздухе мне кто-то отвечает,
Неужели меня Неис драгой внимает?
Не ты ль, Неис? ... О! как была бы рада я!

Эхо

...да я.

Мира

Ты здесь? но где? где ты? мне это непонятно!
Ты, Неис? (про себя) иль это сон?
Но я не сплю, нет это он.
Спрошу еще его... или тебе приятно
Со мной быть иногда.

Эхо

...да», и т. д. (РГАЛИ, л. 16 об.—17).

Как бы сама природа помогает молодым супругам, поддерживая иллюзии Мира. О мастерстве Н. А. Львова-драматурга свидетельствует то, что введенный эпизод не тормозит развитие действия, но ускоряет развязку: Мире кажется, что Неис назначил ей свидание на вечер. После разговора с эхом она с нетерпением ждет приближения ночи.

Переезд главных героев за город в повести Мармонтеля предшествует концовке — встречи с Валоэ возобновляются. Сильф изъявляет желание посетить Элизу во время купания, она смущена. На следующий день маркиза находит в ванной свой великолепный портрет, вставленный вместо зеркала (этот эпизод не вошел в русскую пьесу).

Вскоре сильф назначает свидание Элизе, говоря, что при встрече примет облик ее мужа. Воланж встревожен, ибо должен испытать добродетель своей супруги (обстоятельство, придающее особую пикантность финальной сцене повести Мармонтеля, опущено Н. А. Львовым). Когда же наступает минута решительного объяснения, Элиза подчеркивает, что